

* * *

Николай Рубцов — поэт органичный, искренний. Стереотип его восприятия складывается моментально — «тихий», «чистый», «нутряной» и т.д. Но как только начинаешь вчитываться в стихи, стереотип тускнеет и перед тобой вырисовывается нечто такое, в чем без труда обнаружишь и «тихость», и «чистоту», и «нутро», но никак не в отдельности, а в сочетании с чем-то более живым, подвижным и, главное, беспокойным. Имеются в виду, конечно, удачи поэта. В них он сказывается разом, целостно, иногда даже в пределах одного стихотворения. Такого, например, как «Чудный месяц плывет над рекою...»:

*«Чудный месяц плывет над рекою», —
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!*

*Не пугают разбойные лица,
И не мыслят пожары зажечь,
Не кричит сумасшедшая птица,
Не звучит незнакомая речь.*

*Неспокойные тени умерших
Не встают, не подходят ко мне.
И, тоскуя все меньше и меньше,
Словно Бог, я хожу в тишине!*

*И откуда берется такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!*

*Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы...*

Если бы мы доверились первому впечатлению и, кроме того, считали бы, что поэзия должна лишь навевать золотые сны и преодолевать обыденное сознание, мы радостно воскликнули бы: «Рубцов — поэт тишины, покоя и снов!» И действительно, верхний пласт стихотворения воспроизводит «счастливую» картину вечного покоя. Ощущение пригрезившейся отрешенности от земной тщеты переполняет сердце лирического поэта, ничто, кажется, не может потревожить ни благодатного «молодого голоса», слившегося с «золотым» светом ночи, ни мысли самого поэта, — светлой, растворившейся, почти отсутствующей. Основная нагрузка выразительности в процитированных стихах падает на эпитеты «чудный», «молодой», «полный», «золотой» — определения, которые нарисованную картину не разнообразят. А если вспомнить, что эпитет вообще-то по природе своей (особенно рядом с глаголом) «статичен» и, кроме того, в первой строфе стихотворения глаголы «плывет», «поет», «опускается» выполняют в контексте четверостишия не столько функцию динамики, сколько состояния, то можно сказать, что начало стихотворения не обманывает нас, оно, действительно, внушает нам чувство счастливого покоя.

Что же получается, стереотип поверхностного читательского восприятия стихов поэта имеет под собой основание? Нет, не имеет.

Мир Николая Рубцова значительно богаче нашего первого впечатления от его стихов. Вечный покой только пригрезился поэту. Вторая и третья строфы дополняют вроде бы положительную характеристику «родины, полной покоя» и одновременно ненавязчиво (сразу это и не осознается) выдвигают совершенно новый, противоположный «полному покою» мотив, в котором смешаны тоска, мечта, надежда и что-то еще, чему не находишь названия. Образ родины у Рубцова развивается. Динамический элемент, в противовес статическому в первой строфе, становится определяющим в композиции стихотворения в целом. Он выражает собой лирическую неоднозначность образа Родины — главного во всей поэзии Рубцова, подчиняющего себе все остальные образы, так что порой кажется, что все произведения поэта — это вариации на одну и ту же тему. Выдвинутые на переднюю позицию стиха и принявшие на себя логическое ударение, глаголы «не пугают», «не мыслят», «не кричат», «не звучит», «не встают» резко усиливают динамизм всего стихотворения. Вот тут-то лирика поэта и обнаруживает свои истинные свойства: лирика отвлеченной мысли в ней, которая вне стиха прочитывалась бы однозначно, как прямое сообщение, обретает здесь глубину мысли переживаемой, глубину психологическую. Поэт как будто создает рисунок на плоскости, зримый покой, а «оснастка» стиха (многократно повторенные отрицательные глаголы, экспрессивные эпитеты, единоначатия и другие средства внушения), вступая в противоречие с видимой реальностью, увеличивает напряженность беспокойного чувства. Отсюда и элегический тон стихотворения, и обилие в нем антитез: субъект — объект, сон — реальность, настоящее — прошлое, «голос поет молодой» — «тени умерших» и т.д. Мы не сказали бы о стихотворении «Чудный месяц...» самого главного, если бы не увидели в нем непосредственного переживания Рубцова, той его тяги к душевной чистоте, гармонии, прекрасному и, тут же, постоянно носимого в душе чувства трагической невозможности обрести покой, которые дают смысл всем антитезам стихотворения. Боль и бесприютность Николая Рубцова, с осо-

бой остротой выраженные в таких стихотворениях, как «Утро утраты», «Кто обидел», «Ночное», «Неизвестный», имеют вместе с тем и свой нравственный исход. Рубцову очень близок человечески, духовно, поэтически — Сергей Есенин. Как и его великий предшественник, Николай Рубцов боль лечил тем, что соотносил свое чувство с чем-то более высоким и важным, чем даже само страдание. Таким абсолютным нравственным критерием для Рубцова всегда была Родина. Как и у Есенина, его родина — это и родной приют, и «чудный месяц» над ней, вообще родная природа, и родной напев, и родной народ. Они-то и дают Николаю Рубцову духовную энергию для нравственного возрождения, в котором находит исход лирическая динамика «Чудного месяца...».

Творческий путь поэта завершен, но однозначный вывод невозможен. Делать Рубцова певцом лишь прошлого, поэтом тишины, покоя, было бы так же поверхностно, как, напротив, выдвигать его в лидеры современной поэзии (В.Кожин), по которому, как по образцу, должны равняться остальные поэты. В оценке сделанного Рубцовым важен не столько результат, сколько сам поэт, его путь, с а м о р а з в и т и е его лирики — с ее духовным потенциалом, с ее открытостью, искренностью, человечностью и правдой перед людьми.

Лирика Рубцова демократична по самой сути. Поэт разрабатывает ритмы (не потому, что дал себе установку, а потому, что так пелось), свойственные классической русской поэзии, и прежде всего песенные. Даже интонация разговора или рассказа, обычно плохо сочетающаяся с мелодией, включается Рубцовым в контекст песенного ритма, так что, например, диалог одного из лучших стихотворений «Русский огонек» не столько «говорится», сколько «поется»:

*Огнем, враждой
Земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый,
Будет ли война? —
И я сказал: «Наверное, не будет».*

— Дай бог, дай бог...
Ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет...
И вдруг опять:
Не будет, говоришь?
— Нет, — говорю, — наверное, не будет.
— Дай бог, дай бог...

Русскую жизнь, недавнюю войну, беды ее, «сиротский смысл семейных фотографий», одиночество русских вдов, теперь уже старух, Рубцов носил в сердце. Поэтому так органично разнообразие людских голосов из народа сливается у него в мелодию тоски, неприкаянности и одновременно благодарности русской избе:

*За то, что с доброй верою дружна,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мне — и нет тебе покоя...*

Наследник русской демократической традиции и русского силлабо-тонического стиха, Рубцов не чуждается быта. Он для него не презренная проза жизни, а естественная среда, вне которой не понять и духовной сущности сегодняшнего человека. Иные стихи прямо вырастают из бытовой непритязательности, почти мелкого случая («Вечерние стихи», «Свидание», «Я забыл...», «На сенокосе» и др.), но и они впечатляют, потому что в лучших из них, как в жизни, лирика соседствует с прозой: иногда перебивает ее, иногда срастается с ней, иногда, как в «Русском огоньке», уступает ей место, воскрешая в сознании читателя (особенно городского) давно забытое, горькое, родное. Такая лирика Рубцова совсем не «покойна» и не «тиха». На современном материале она продолжает демократизацию русской поэзии, вбирая в себя чувствования не одной какой-либо прослойки людей, а всякого читателя.